

Можно ли писать с подводной лодки

Эротические истории

18+

МАРИСУ СМАЙЛ

МАРИСУ СМАЙЛ

**Можно ли писать
с подводной лодки**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

СМАЙЛ М.

Можно ли писать с подводной лодки / М. СМАЙЛ — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Что, если бы судьба подарила Вам встречу с разведчиком? С иностранным разведчиком, - то есть со шпионом? И вспыхнул бы опасный страстный роман, ну, очень страстный роман? - Такой, при мысли о котором, обмирает сердце и слабеют колени...

Милочка проснулась поздно. Побаливала голова. Солнце рвалось сквозь шторы, и отчетливо возмущались куры: «Куд-куда она запропастилась? Почему не выпускает в полисадник? Там червячччки, а мы тут паримся!» Куры допрашивали петуха. Он же, ходил среди них, изображая всезнание: «Цыц, дурры, раскудахтались! С Сенькой она вчера гулеванила. Сейчас очухается и выпустит вас». «Курицы!» – презрительно добавил он и ради разнообразия забрался на беленькую молодку на глазах у многочисленного гарема. Жены, терпеливо дожидаясь исполнения господином супружеского долга, рылись в сене загона среди собственного помета, выискивая оброненные зернышки, а может быть, соблюдая некий куриный политес.

Милочка потянулась, припоминая подробности бурно проведенного вечера. Как ревновал вчера Сеня! Прямо Отелло! Ну, что ж, ему полезно, а то ни два, ни полтора: никак не определится с разводом. Да, и Гришка давно на нее глаз положил. А что, зарабатывает он неплохо, у него всегда живые деньги. Трактор-то не в аренде, а собственный, отец в свое время подсуетился, когда колхоз развалили. Старенький, правда, но Григорий сам его ремонтирует, запчасти из Китая заказывает и все в порядке. Дом себе почти достроил. Вчера шептал, когда качались в медленном танце:

– Эх, Мила, мне же хозяйка нужна будет в такую домину. Сварить, прибрать. Хозяйство большое.

– Ты мне предложение, что ли делаешь? – смеялась она.

– А что? – пьяно смеялся он в ответ. – Ты хозяйственная. Опять же, есть за что подержаться!

И его рука соскользнула с талии на ягодицы. Милочка залилась громким смехом, чем привлекла внимание сидевшего за столом Семена. Он просто буравил взглядом парочку. Заметив, что может вспыхнуть драка Мила, не торопясь, вернула мужскую руку на талию.

– Люди смотрят.

– Да, пусть смотрят.

– Так ты что же, жениться на мне хочешь?

– Так сначала пробу надо снять, принцесса, а ты все бегаешь от меня. – А то окажется потом, что ты в постели бревно – бревном, – жарко шептал ей на ухо «молодой крепкий бычок», как называла его Галка.

– Не беспокойся, не бревно!

– Докажи, принцесса!

– Ох, какой ты скорый! Я подумаю.

Музыка прервалась, они вернулись к компании. Ревновал не один Семен. Подружка обжигала ее взглядом, но Милочка только смеялась. Она под села к Галке:

– Ты что злишься?

– Да, ничего. Нечего крутить хвостом перед ним! О чем шептались?

– Ну, ты ж его знаешь, как выпьет, все у него принцессами становятся, – отмахнулась Мила.

Да, об этом знало все село. Даже кличка к нему приклеилась «Принц», хотя на принца он был совсем не похож: коренастый, смуглый, с мощными лопатообразными ладонями.

Сейчас Милочка, все еще лежа в кровати, обдумывала перспективы. А что, в самом деле? Может, бросить к лешему этого Семена, пусть живет со своей квашней Алкой и сопливыми детьми! Выйти замуж за молодого, холостого и не оправдываться перед всеми за свой грех. Они хоть и не афишировали свои отношения, но разве что скроешь от соседских глаз? Алка ходит, вон, не здороваается. Да и остальные языки чешут. Только вот проблемка имеется, и даже не одна. Родители у Гришки не позволят ввести в дом такую «принцессу». Галка рассказывала, что они давно присмотрели ему невесту – Наташку Поховникову. Мол, и молоденькая совсем, вот только девятнадцать исполнилось, и хозяйственная, и с парнями ни-ни! Говорят, девственница! Конечно, кто ж на нее позарится то? – Ни кожи, ни рожи! Доска – два соска.

Плоская, как селедка. А Гришка-то «принцесс» любит! Галка вот, красотка просто! И то никак не может женить на себе.

– А ты залети от него, – совсем недавно советовала ей Мила. – Родишь, – никуда они не денутся! Неужто, свою кровиночку не признают?

– Да, не получается у меня, – кусая губы, отвечала подруга. – Сначала я предохранялась. Потом как-то решила попробовать, перестала таблетки глотать. Тоже подумала, что затянулись наши хороводы в лесочке, да в машине его. Но, знаешь, не беременею и все тут! Раньше тряслась, что не придут! А теперь, как по расписанию. Один раз, правда, была задержка. Я обрадовалась, намекать ему стала, а он ответил: «Роди сначала, а там посмотрим!»

– Но ведь не отказался от того, чтобы ты родила.

– Нет, не отказался.

Вот такой был разговор. Значит, Гришка может и жениться, если она, например, родит. А Галке не надо было на аборт бегать от этого своего городского, богатенького папика! А тот поматросил и бросил. Теперь вот ни денег, ни здоровья. А как нос задирала, думала, что он ее в город заберет! Галка два года на него потратила. Потом пьяная плакала, рассказывала, как он ею пользовался: и чулки надень, и так встань, и эдак загнись. Все никак возбудиться не мог. Галка говорила, что порнушку ставил и заставлял ее повторять. Фу, гадость какая! Терпение ее закончилось тогда, когда он приволок игрушку из секс-шопа и хотел, чтобы она перед ним ею воспользовалась. Галка тогда психанула и хлопнула дверь. Вздумала воспитывать этого извращенца. Ждала, что он позвонит, извиниться и его игрища прекратятся. Да, куда там! Не дождавшись от него звонка, набрала сама его номер. Он ей тут же объявил, что она может забрать свои вещи. А когда пришла, чтобы поговорить, дверь ей открыла совсем молоденькая девчонка в халатике, явно на голое тело. Студентка, наверное. Пришлось Галке собрать немногочисленные пожитки и уйти ни с чем. Причем, сам он так и не появился. «Козел! – рыдала Галка. – Извращенец! Импотент!» Тут-то она и перекинулась на Гришку. Молодость имела свои преимущества. Секс каждый раз был продолжительным и бурным. «Только давай!» – откровенничала подруга.

Ну что ж, давать Милка могла и сама. Сеню нельзя было отнести к неутомимым: быстро получил свое и отвалил. Ни тебе слов красивых, ни ласки – торопился домой постоянно. И подарков не делал никогда, все деньги домой относил. В лучшем случае, бутылку принесет и колбасу. Сам сядет, выпьет и давай хрустеть и чавкать: «Ох, и огурцы у тебя, Милка, вкусные! Моя совсем не умеет закрывать!»

Милочка давно уже выпустила кур, на скорую руку прополола клубнику и побежала в цех, благо, сегодня она была во вторую смену. Работала она нормировщицей в цеху. Цех выпускал газоблоки, которые разлетались по стройкам района, как горячие пирожки. За счет этого производства, село расцвело, как никогда прежде. Директор цеха, брат Главы администрации района, дал рабочие места половине жителей мужского пола. И хоть селяне ворчали, что он жмот и мог бы платить больше, но за работу держались. Ворчали они, скорее, по привычке русского человека. Умом же люди понимали, что их село, по сравнению с остальными, живет хорошо. – Не надо бросать семьи, хозяйство и подаваться в город на заработки. Кроме того, Борис Петрович был крут: если рабочий появлялся, выпивши или с большого бодуна, его неминуемо ждал расчет. Поэтому, все посиделки с обильными возлияниями случались теперь только в выходные или праздники. И это тоже положительно влияло на общую атмосферу жизни. Тот же Борис Петрович отремонтировал на свои средства клуб, заброшенный в период перестройки. Теперь туда бегали мальчишки и девчонки заниматься в секциях и кружках, как в советское время. Правда, тогда все было бесплатным, теперь плата взималась, но небольшая. Имелся и хор, который работал для желающих бесплатно: пой – не хочу. С многодетных родителей денежная плата не взималась. – Они отработывали трудом по покраске, ремонту и уходу за

небольшим фруктовым садом, что был разбит при клубе, и работой в цветочной оранжерее в свободное время. Фрукты отвозили в соседний район в детский дом и интернат для престарелых. А цветы развозили по цветочным магазинам. Самое интересное, что от работы не отлынивал никто: ни взрослые, ни дети. Борис Петрович умудрился пробудить в людях социалистическую сознательность и гордость за плоды благотворительного труда. И милосердие умудрился пробудить: уже три семьи приютили у себя детдомовских ребятишек, одного мальчика и двух девочек. Сначала детвора дичилась сельских ребятишек, пришлые дети выглядели какими-то невзрачными, забитыми. Но потом, выровнялись и теперь уже, ни у кого бы не повернулся язык назвать их неродными.

Милочка бежала в цех и молила силы небесные, чтобы не нарваться на самого, – нюх у того был, как у ищейки. По дороге она усиленно жевала лавровый лист, отчего во рту было вдвойне противно. Но пронесло: на проходной обошлось без приключений. Переодевшись в халат, окунулась в привычную стихию. Здесь она была владчицей: покрикивала на мужиков, кокетничала, ее смех разносился по всему цеху.

Даже Игнатич, который был на легкой работе по причине возраста, наклеивая этикетки на готовую продукцию, цокал языком:

– Эх, Милка, будешь моей милкой? – привычно шутил он.

– Дед, да на что она тебе? Уж забыл, небось, что ночами то делают? – смеялся Сашка, блестя белыми крупными зубами.

– Как что делают? Спят.

– А Людка тогда тебе зачем?

– А я ее гладить буду.

– Что будешь делать? – покатывались со смеху парни.

– Дурни вы! Не цените своих молодок! А их гладить надо, кожа у них такая, – Игнатич почмокал губами, – нежная, гладенькая. И ручки, и коленочки, и под коленочками, и шейка, и сисечки, а животик какой: кругленький, мягонький. Эх, Милка, можно я тебя поглажу?

И веселье в цеху продолжалось.

После работы Милочку нагнал Сашка.

– Может, провожу тебя?

– Ну, проводи. А твоя-то не заревнует?

– А мы ей не скажем.

Дошли до развилки.

– Дальше, Санёк, провожать не надо, сама дойду.

– А не боишься?

– А кого мне бояться?

– А вдруг Игнатич со своим гладилом?

Людка засмеялась. И вдруг они услышали:

– Санька, ты, что ли там?

К ним приближалась Ирина – Сашкина жена.

– Привет, Ирка!

– Привет, Людка! Я его жду, значит, а он тут языком зацепился! – и она ревнивым взглядом окинула Милочку.

Эх, прав был Игнатич: хороша была Мила! Немного полновата, но такая ладная, гладкая, белокожая, густые рыжеватые волосы и зеленые сияющие глаза. Полсела женатых заглядывалось на нее, а полсела жен исходило от зависти к ее красоте. Поэтому, сплетничали все, кому не лень: «О, пошла Людка! Во, как бедрами вихляет! А из выреза скоро титьки вывалятся! И как

Сенькина жена терпит?» Милочка давно привыкла к тому, что находится в центре внимания и даже слегка гордилась этим. Впрочем, и она не была святой и сплетничала с подружками тоже.

По дороге она заглянула к Вере Андреевне. С недавних пор их связывали приятельские отношения, настолько невероятные для жителей села, что сначала в них просто не верили. Но когда соседки пожилой женщины собственными глазами убедились, что Люда стала довольно часто заходить в дом, возиться в чужом огороде и кормить птицу, новость быстро разнеслась по дворам. Вера Андреевна появилась в их селе лет двадцать пять тому назад, стала преподавать в школе ребятишкам английский язык. А когда в тяжелые девяностые, учителя подались в город, стараясь заработать для семей любыми способами на рынках, стройках, прислужкой у новых русских, Вера Андреевна почти перестала приходить домой, взяв на себя еще и часы русского языка и литературы. Было непонятно, как она выживает сама, когда успевает обиходить свой огород, и за счет чего содержит свою живность. Была она строгая, молчаливая. В селе ее уважали и побаивались, особенно острые на язык бабы. Она умела заставить замолчать одним лишь взглядом и кратким вежливым, но решительным тоном. За все время проживания здесь, у нее не было ни одного романа, ни одной связи. Не то, чтобы никто не пытался подъехать к ней с комплиментами и намерениями, но все попытки увядали под взором строгих глаз. Теперь ей было семьдесят: ни семьи, ни детей, ни верных друзей. Одна – одинешенька. А годы брали свое. Стали липнуть болезни. Все знали, что она получила какое-то письмо, и случился инфаркт. Но она выкарабкалась. Все также, молча. И вот Людка, подумать только, стала захватывать к этой нелюдимой строгой старухе, помогать вести хозяйство! Люду пытались расспрашивать, но та только пожимала плечами: «Да, не знаю я о ней ничего! Просто жалко ее».

Это было не совсем правдой. Милочку, так же, как и всех разбирало любопытство, но Вера Андреевна никогда не говорила о своей личной жизни. – Такое впечатление, что у нее никогда не было ни родительской, ни какой другой семьи. На стенах не висели фотографии, только два пейзажа, да в углу большой комнаты, которую Вера Андреевна называла гостиной («Хороша гостиная, в которой никогда не бывает гостей» – подумалось тогда Милочке), была божница: горела лампада под иконами в начищенных окладах.

– Надо же, никогда бы не подумала, что Вы верующая, – брякнула Мила.

Вера Андреевна ей ответила тогда:

– У каждого своя дорога к Господу.

И еще одно удивительное открытие ждало девушку. На письменном столе лежал ноутбук. Да, да, самый настоящий ноутбук! Позже выяснилось, что у Веры Андреевны имелся даже Интернет. Несколько раз девушка была свидетелем того, что какая-то пожилая женщина звонила пенсионерке по скайпу. Впрочем, Вера Андреевна, всегда отвечала однотипно:

– Светлана, милая, я тебе перезвоню позже, я сейчас немного занята.

Да, старушка, умела удивлять. Но своими наблюдениями Милочка ни с кем не делилась. Что-то останавливало ее от того, чтобы раззвонить узнанное по селу. Она по своему привязалась к этой одинокой пожилой женщине. Люда выросла в простой сельской семье. Отец пил, мать рано постарела от забот, бабушка со стороны отца баловала внучку пирогами и конфетами. Все, как у всех. Обыкновенно. А тут, у Веры Андреевны протекала совсем другая жизнь. Мила не могла бы себе представить не только свою бабушку, разговаривающую по скайпу, но даже родителей. Два книжных шкафа ломились от книг, в том числе и на английском языке. Телевизор, кажется, никогда не транслировал сериалов, только советские фильмы, да канал «Культура». Впрочем, старушка оказалась не таким уж сухарем, как думали о ней в селе. Скоро она стала встречать Милочку радушно, обязательно поила чаем, а ее взгляд начинал сиять так молодо, а улыбка оказалась такой нежной, что у Милы начинало шевелиться в душе, доселе неизведанное чувство привязанности к этой, чужой для нее по крови, женщине. Иногда они

болтали за чаем, и Вера Андреевна оказалась интересным собеседником. Она была курсе всех молодежных тенденций, начиная от моды, заканчивая сленгом.

– Откуда Вы все это знаете? – однажды вырвалось у девушки.

– Так я же, английские каналы смотрю, а там обо всем рассказывают.

Вот такие удивительные отношения поддерживала Люда с пенсионеркой.

Сегодня после смены, Милочка быстро загнала птицу в курятник, нарвала в огороде зелени, огурцов и принялась готовить. С утра ей было лень. Пока резала овощи, заправляла сметаной и квасом окрошку, в окошко тихонько стукнули. У нее упало сердце – это был он. Она пошла к двери, откинула крючок и ждала. Почти сразу возник силуэт, низкий голос произнес:

– Привет, Люсьен! Свет-то на крыльце выключи.

Она послушно щелкнула выключателем. Ноги ослабели. А сильные руки уже обхватили бедра, задирали полу халата, ныряли в вырез, властно лезли под белье. Они были везде эти хваткие жадные руки. Крепкое жилистое тело прижимало к стене, губы впились в ее мягкую шею. Аромат свежесигаретной сигареты сводил с ума, а может, и не сигаретный, а запах животного желания, исходящего от этого сильного, яростного, властного самца. «Волк, волчара», – так называла она его про себя.

Подхватив на руки, он понес ее в комнату к кровати, рывком содрал трусики, отбросил в сторону. Луна светила в окно, как фонарь. В полумраке она видела, как он сбрасывает с себя одежду, а потом прикрыла глаза и, постанывая, отдалась все нарастающим толчкам. После они лежали в постели, он гладил ее тело, приговаривая: «Ох, и сладкая ты, Люсьен! Налей-ка, мне кофейку с ромом и продолжим. Теперь уж ты давай, не ленись». Он никогда не кончал в первый раз. Теперь она делала то, чего не стала бы делать ни для кого. Склонившись над его телом, целовала все ниже, чувствуя на своем затылке его руку, которой он регулировал направление и ритм. Он стонал и приговаривал: «Еще, еще давай!» (Ее всегда удивляло, что в эти моменты его акцент начисто исчезал). Она знала, что и тут он сдержится, и ее тело трепетало, предвкусывая продолжение. В какой-то момент, он отталкивал ее и рывком сажал на себя. И начинались бешенные скачки. Она изнемогала, а он поднимал и насаживал, поднимал и насаживал. Наконец, когда из горла начинал вырываться вой, он кончал тоже. Ее всегда удивляла его выносливость. – Он был, как сталь. Она же принимала в себя эту сталь, как мягкая глина.

Потом на дрожащих ногах она шла обмываться и снова готовила ему напиток. Ради него она специально заказывала Виктору – сорокалетнему молчаливому водителю, снабжающему магазин продуктами из города, ром и дорогой растворимый кофе. Она знала, что Виктор никогда не контактирует с местными: привез продукты, сдал, принял документы и уехал. Иначе, местные кумушки давно бы заинтересовались, зачем Люське такие дорогие изыски.

Провожая, она спросила, прижимаясь перед входной дверью к мужчине:

– Может, останешься, Жан?

– Люсьен, ты же знаешь, я не могу.

– Когда же в следующий раз?

– Когда сойдем на берег. Я напишу тебе. – И он растворился в ночи.

Их встречи начались почти год назад. С инстаграма. Любуясь очередной своей фотографией, удовлетворенно рассматривая снимок так и эдак, она увидела, что у нее появился новый подписчик. Она зашла к нему на страницу, – Жан Ричи был иностранцем, проживал в Канаде: высокий, худощавый брюнет и, судя по фотографиям, работал врачом, снимки его поместья впечатляли, – ухоженный сад, большой дом. Она подписалась на Жана и тут же получила от него сообщение в директ: красивый снимок букета красных роз с подписью «For you!». Далее следовало письмо на русском языке: «Приятно встретить тебя! Меня зовут Жан и я из Канады. Как ты, твое здоровье и твоя семья? Ты так красива! Мне интересно узнать больше

о вас. Как вы думаете, общение и знакомства предоставляют больше возможностей для улучшения отношений? Женщины из вашей страны – очень хорошие люди, они такие образованные, когда дело доходит до образования, и они такие трудолюбивые, добрые и заботливые». Девушка несколько раз перечитала сообщение, несколько удивившись тому, что он переходил то на «вы», то на «ты» и корявому изложению. С другой стороны, Жан – иностранец, конечно, ему сложно гладко писать по-русски. Она ответила ему: «Привет, Жан! Рада была получить от тебя письмо. – Подумала и добавила, – Меня зовут Людмила. Как у Вас дела?». На этом она решила закончить первое послание. Девушка вернулась на страницу Жана и стала рассматривать одну за другой публикации, ставя лайки. «Пусть видит, что я внимательная», – рассуждала она при этом. Она увидела значок, что кто-то снова написал ей. Это был Жан: «ОК, хорошо, красотка. Я в порядке. Рад встрече. Я хотел бы узнать больше о вас». Она написала: «Я из России, живу в Коромыслове Астраханской области. Откуда ты знаешь русский язык? Ты из русской диаспоры?» Вечером ее ждало письмо: «Я могу немного говорить по-русски. Я из Виктории, Британская Колумбия в Канаде. Довольно приятно познакомиться».

Так продолжалось месяца два. Через некоторое время Жан написал, что он военный, потом уточнил, что полковник и служит на подводной лодке. Это несколько удивило Милу, ведь не было на его странице ни одного снимка в военной форме, а наоборот, красовалось стоматологическое кресло. А еще было видео с какого-то форума стоматологов, причем, проходил форум где-то в России и велся на русском языке. Но она не хотела разрешать свои сомнения, расспрашивая нового знакомого. «Все, как-нибудь разьясниться, – думалось ей. – Может, ему нельзя светиться в социальных сетях?» – успокаивала она себя. Да, и какая разница? Жан осыпал ее комплиментами и снимками цветов. «Ветер этого холодного утра, – писал он, – напоминает мне о чудесном чувстве твоего романтического прикосновения – сладкое ощущение, которое я ощущаю своей кожей, вызывая волну радости внутри меня. Доброе утро, малыш!» Романтическое прикосновение? Какое романтическое прикосновение? – Ему что приснилось это? А, может, он так мечтает? Мало ли что там приходит на ум в подводной лодке. Милочка как-то смотрела фильм о подводниках, как они там живут, в замкнутом пространстве, а над ними толща воды. Как бывает им трудно не подниматься на поверхность по несколько месяцев. У них даже психологические тренинги проводят, чтобы не перессорились там, потому что у них возникают такие же трудности внутри коллектива, как и у космонавтов. Героическая профессия! Девушка стала осторожно расспрашивать его о семье, на что Жан сообщил, что жена ушла от него и его одиннадцатилетний сын проживает с матерью. И тут же прислал фотографию своего сына, симпатичного подростка в горнолыжном костюме. Подпись гласила, что отдых проходил в Альпах. Мила помечтала, что они скоро будут отдыхать все вместе там, на высокогорном курорте: она, Жан и его сын, имя которого она не знала. У них же там все цивилизовано при разводах: сын проводит равное время каникул и с отцом, и с матерью. Никто не мстит друг другу. Умеют договариваться. Милочка помнила иностранные фильмы с похожими сюжетами. Только как же она станет общаться с его сыном? Она учила английский в школе, затем в колледже, но, положив руку на сердце, в нем она была, что называется, ни бум-бум! Может, ходить брать уроки к Вере Андреевне? Потом, как-нибудь. Жан хорошо говорил по-русски, с легким акцентом. Возможно, сын тоже знает русский. А нет – так Жан станет переводчиком между ними. И вообще, надо решать вопросы по мере их поступления!

Настал момент и канадец попросил номер ее телефона. Позвонил сразу: хриплый низкий голос с легким акцентом заставил затрепетать сердце. Жан спросил, могут ли они встретиться? Он сошел на берег и у него будет немного времени. Конечно же, Люда сразу пригласила его к себе. Назвала адрес. И заметалась по дому, прибирая, накрывая на стол, раздумывая, что одеть. Начать надо с белья. Конечно, никакого интима сразу! – Но как говорится, красивое белье придает девушке внутреннюю уверенность. Поэтому выбор сразу пал на красный кружевной комплект, подчеркивающий величину и высоту груди, делающей ее фигуру очень соблазнитель-

ной. «Гришка бы не устоял, – думала она при этом, да и Сенька бы тоже!» Трусики тоже были скроены правильно, открывая бедра и удлиняя ноги. Туфли на высоком каблуке: цок-цок, от дивана, где были разложены платья к зеркалу. Наконец, она остановилась на золотистом платье с запахом, которое имело бесценное свойство увеличивать вырез на груди и распахиваться на ногах, обескураживая мужчин. Чулки? Но август жарил по полной, и она отменяла идею с чулками. И так хороша! На всякий случай проверила тело на предмет отсутствия растительности. Все было отлично: ноги гладкими, подмышки припудренными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.